

же. Труд должен быть оплачен, а вы столько времени на меня потратили. Нет, нет, я не могу ехать бесплатно. Вы же знаете, я офицер русской армии и счел бы позорным воспользоваться вашим положением недавно приехавшего в эту страну человека. У вас ведь семья, дети. Нет-нет, не обижайте меня, возьмите деньги, — и он опять полез в кармашек.

Юра рассмеялся:

— Я вас прошу, Викентий Вениаминович, не возьму я у вас деньги, вот ведь придумали вы, кроме того, я тоже офицер русской армии, — он вспомнил, что при сдаче билета в военкомате выяснилось наличие у него капитанского звания, — капитан, кстати, так что будьте добры: спрячьте деньги и прекратите все это, — он слегка добавил металла в голосе.

Викентий Вениаминович на секунду замер, переваривая услышанное, а затем неожиданно быстро выгнулся на переднем сидении, и в положении руки по швам четко произнес:

— Прошу извинить меня, господин штабс-капитан. Больше не повторится.

Теперь уже Юра на пару секунд обалдел, но быстро сориентировался и весело сказал:

— Вольно, господин поручик, можете идти, до встречи.

Тут он вылез из машины, обошел ее, открыл дверь и помог Викентию Вениаминовичу выйти. Тот кряхтя выбрался, и Юра проводил его до двери, где уже стоял дормен. Здесь поручик выпрямился и бодрым голосом произнес:

— Еще раз огромное спасибо, господин штабс-капитан. Всего хорошего, — молодцевато повернулся и вошел в дом.

Нью-Йорк

Летчиками не рождаются

Часть 1.

Когда на огороде заколосилась конопля, муж сказал своей жене:

— Чучело надо бы сделать.

— Да уж надо, — согласилась та и принялась за работу. Соломки не пожалела, набила ею старую мужнину рубаху и рабочий комбинезон.

— А комбинезон нашо взяла?

— Да он такой вониючий, что всех птиц распугает.

— Постирала бы лучше, а то наша Федора до работы хвора...

— А толку! Все равно ты в нем на пугало будешь похож.

— Кто из нас пугало, так это ты, — не остался в долгу муж.

"Ну, подожди", — злорадно подумала жена и отрезала пуговицы от мужниного форменного кителя, который он надевал раз в год, чтобы напиться с друзьями по поводу Дня авиации. Две блестящие пуговицы с крылышками и пропеллером она пришила чучелу вместо глаз, а одну — на область мужского достоинства, для солидности. Оглядев творение своих рук, она осталась довольна и пошла водружать чучело на грядку.

Два дня вороны близко не подлетали. А на третий одна из них, самая смелая, подлетела поближе и крикнула своим товаркам:

— Ребята, не бойсь, он не настоящий. Налетай! — и первой рванула к коноплянному посевам.

— Борт ноль-ноль-один, — сказала вдруг чучело голосом авиадиспетчера. — Посадку не разрешаю.

Ворона, уже успевшая отхватить верхушку початка, аж поперхнулась. Чучело зашуршало соломой, имитируя радиопомехи:

— Заходи на запасной аэродром к тетке Палашке.

Но ворона уже пришла в себя и заорала во все свое воронье горло:

— Ты что мне указываешь, чучело пучеглазое! Сейчас позову своих на подмогу, мы тебе живо моргалки вынем!

Ворона взмыла над грядкой и полетела к ближайшему кусту орешника.

— Борт ноль-ноль-один, не забудьте убрать шасси, — донесся до нее металлический голос. И дальше, уже с нотками злорадства:

— Между прочим, у вас стабилизатор в дерьме.

...Они нагрянули целой эскадрилей. Ведущей была ворона, которая кормилась у городской свалки и поэтому считалась самой образованной.

Она на всякий случай устроилась на заборе подалее и приступила к переговорам:

— Думаю, мы с вами могли бы достичь консенсуса...

Чучело не ответило. Ворона пересела поближе и продолжила:

— Понимаете, учитывая сложную экономическую ситуацию в нашем регионе и все такое прочее... Короче, нам жрать нечего.

Чучело продолжало молчать, но ворона заметила, что пропеллеры на пуговицах чуть дрогнули, как стрелки компаса на магнитную аномалию. Ворона воодушевилась:

— Видите ли, для нас конопля — это не только продукт питания, но еще и, как бы это сказать поточнее, средство от стресса. Нет, поймите нас правильно — это очень слабый наркотик, во многих цивилизованных странах он даже легализован...

Она не договорила. Пропеллеры вдруг стали резко набирать обороты, чучело неожиданно взмахнуло шестом с привязанной к нему тряпкой и обрушило на голову парламентарии.

— Ах ты, жертва аборта! — заорала ворона и отскочила подалее. — Не понимаешь языка дипломании, тогда я с тобой по-фене базарить буду!

Чучело еще раз взмахнуло шестом, но на этот раз хитрые вороны нащупали его слабое место и стали заходить с тыла.

"В крайнем случае, пойду на таран, — мелькнула, как искра, мысль в голове чучела. Соломенные нейроны пришли в возбуждение, беспорядочные сигналы заматались по всему полушарию. — Во всяком случае, умру как герой. Юные следопыты найдут останки... школьный музей... бронзовый бюст на родине героя... безутешная вдова... льготы на квартиру, газ, телефон..."

Чучело все размахивало и размахивало шестом, его глаза горели святым огнем самопожертвования, ветер наполнял складки его одежды, создавая подъемную тягу. Казалось, до взлета остался один миг.

Вражья стая, неся огромные потери, со страшным гвалтом отступала с захваченных рубежей. А из хаты уже бежала хозяйка, наблюдавшая через окно за воздушным поединком...

А вскоре наступил тот самый День авиации, и муж полез в шкаф за своим форменным кителем.

— Жинка, шо это такое? — заорал он на весь дом. — Да как ты посмела?! Да я тебя... да я тебя...

Он сорвал с ковра охотничье ружье и ворвался на кухню.

За обеденным столом, подперев ладонью все три подбородка, сидела

его жена и влюбленными глазами смотрела на чучело. А оно восседало в красном углу за тарелкой свежесваренного борща с пампушками и таращилось на нее двумя его пуговицами.

— Да я тебя! — аж задохнулся муж. Он подбежал к чучелу, схватился за глаза-пуговицы и с остервенением вырвал их.

— И все равно, я — летчик! — сказала чучело и встало из-за стола, бережно прикрывая то ли последнюю пуговицу, то ли свое мужское достоинство. А потом скомандовало себе:

— От винта! — после чего потянуло штурвал на себя и на бреющем подалось на огород.

Часть 2.

— Караул! Люди добри, помогите ради Христа, — донесся со двора истошный голос соседки.

— Та шо с вами, тетка Палашка? — разом выскочили из хаты супруги. — Успокойтесь.

— Та яке там „успокойтесь"! — всегда хитрющие глазки соседки на этот раз были жалкими и беспомощными, как у потерчат. — Проклятые вороны облепили всю коноплю, скоро одни цурупалки останутся. Так еще эта бисова птица все время какое-то слово повторяет.

Тетка Палашка, пытаясь передразнить ворону, растянула свой щербатый рот аж до ушей и прокаркала:

— Эр-р-родром!

Супруги переглянулись. Они, как и все в округе, знали, что тетка Палашка заняла под коноплю все свои сорок соток. Знали и то, что она разводит эту культуру вовсе не для конопляного масла и тем более не для пряжи. Нет, тетка Палашка давно уже щеголяла в настоящей системике, что перепала ей от городской внучки. Вот и на этот раз на тетке Палашке был кримпленовый костюм, к которому так охотно цеплялись все встречные репьяхи. Нет, соседка выращивала коноплю с коммерческой целью, ее скупал на корню за хорошие деньги внучкин сожитель, а для чего-того — тетка Палашка не знала и знать не хотела.

— Так шо, дадите своего опудала? Я в долгу не останусь, — из глаз соседки уже исчезли потерчата, и в них вернулась ее всегдашняя хитрость.

— Так я не против, — быстро согласился муж.

— Вечером вернете, — поспешила добавить жена. — А то они, проклятушие, могут опять до нас вернуться.

Через десять минут над конопляным полем тетки Палашки победно

реяло рукавами соломенное чучело. Птичья стая черным салютом брызнула вверх, и только та, городская, огрызнулась:

— Пуганая ворона чучело не боится!

Чучело не ответило, так что последнее слово осталось за ней. Этот блиц-криг произвел такое впечатление на жадную тетку Палашку, что она на радостях оторвала от своего кримпленового костюма две золотые пуговицы с огромными голубыми стразами и вживила их в пустые глазницы чучела. Имплантанты наполнились чудным голубым сиянием.

— Соколик ты мой, — умилилась хозяйка.

— Нет, я — сталинский сокол! — отрезало чучело.

Тетка Палашка ошарашенно помолчала, пытаясь переварить ситуацию: с одной стороны, она вляпалась в какую-то чертовщину, а с другой — проклятое воронье могло ее окончательно разорить. Верх взял здоровый практицизм. Тетка Палашка обхватила чучело обеими руками и, льстиво заглядывая в голубые стразы, затараторила:

— Та я ж и говорю, что сокол. Сталинский — який же еще? Помню, у войну около Печеричивки був аэродром, так вси наши дивчата щовечера туда шастали. Там цих соколов було видимо-невидимо! Так воны, як над нашим селом пролетали, дивчатам мыло сверху кидали. Пахуче таке мыло, мама давала мени понюхать. Вона его от папки в платочку ховала... Так шо, я дуже люблю военных, — подытожила тетка Палашка и уже хотела дотронуться до пуговицы с пропеллером, но вовремя опомнилась и только погладила чучело по воображаемому лампасу. Потом огляделась и погрозила воронам кулаком:

— У-у, ироды, отдохнуть не дадут человеку. В таку-то жару! Я сейчас тебе, касатик, кваску принесу, хочешь? У меня квас, як сок!

Чучело гордо возвышалось над конопляной нивой. Легкий ветерок забросил рукав рубашки ему на голову и казалось, что оно всматривается из-под руки куда-то очень далеко. Может, даже в саму Печеричивку...

Часть 3.

Еще на огороде, отбиваясь от треклятых репьяхов, тетка Палашка усьхла лязг дверной щеколды.

— Тетка Палашка, у вас собаки, случайно, нема? — в калитку осторожно просовывалась огненно-рыжая голова Верки Гаврилючки.

— Нема, мы сами отгавкуемся, — неприветливо ответила хозяйка.

— А я до вас в гости, — объявила Верка, словно не замечая своей нежелательности.

— Гости обедают кости, — опять негостеприимно высказалась хозяйка. Она не любила Верку, девку ледащую и распутную, которую ее клиентура почему-то прозвала „Гая-Гая“.

Но рыжая персона нон-грата уже нагло направлялась к дверям, маня за собой пальцем хозяйку в ее собственную хату. Та растерянно пошла следом, теряясь в догадках.

Войдя в кухню и оглянувшись по сторонам, Верка неожиданно потребовала:

— Тетка Палашка, отдайте мне чучело!

— Та ты что, сдурела? Нашо оно тебе сдалось, ты ж и коноплю-то не сеешь.

— Коноплю у меня нет, зато гарбузов полно.

— Не бреши, Верка, у тебя на огороде отродясь ничего не росло, кроме бурьянов. Да и не едят вороны гарбузов. Иди геть, некогда мне тут с тобой, — и тетка Палашка стала теснить Верку к выходу.

— Подождите, тетечка Палашечка, не гоните, — Верка подняла ладони вверх, словно капитулируя. — Признаюсь вам, как на духу. Вы ж сами видите: дивчина я видная, а заступиться за меня некому. Расту, как бурьян при дороге, — кто идет, тот и ущипнет.

— Тю, та кто на тебя, рудое страхиття, позарится? — пренебрежительно махнула рукой тетка Палашка.

Верка тяжело вздохнула и пустила неподдельную слезу.

— Ваша правда, тетка Палашка, не позарится. А так хочется мужской ласки, внимания... Вот у моей подруги Нюрки хахаль ничем не лучше соломенного чучела, так она еще и нос дерет.

Тетка Палашка оторопело смотрела на Верку.

— Да какой тебе прок от соломенного чучела, дуреха?

— А это я сама решу, какой прок, — ответила Верка и мечтательно продолжила:

— Вечерами сидели бы вместе на лавочке за двором. Я б ему частушки пела... костюм новый справила...

— Тьфу на тебя, — опомнилась наконец тетка Палашка, сплюнула в сторону и потянула Верку за собой к выходу. И неожиданно для себя добавила: — Гая-Гая...

Когда тетка Палашка, налив в погребе кружку холодного кваса, пришла на огород, чучело там не оказалось. Вороны жадно обглаживали драгоценные посевы, а одна из них, держа в клюве, как сигару, конопляный чурбак, злорадно прокаркала:

— Ну, стар-рая кар-рга, почем нынче опиум для нар-рода?

Часть 4.

А в это время Верка, усадив чучело за стол, пыталась добиться от него взаимности доступным ей способом. Она поставила перед ним миску с малосольными огурцами и стакан сомогона. Себе тоже налила и, чокнувшись, предложила:

— Выпьем за твою свободу, — и, хихикнув, добавила: — В том числе сексуальную.

Чучело никак не отреагировало, поэтому Верка выпила сама. Похрустев огурцом и подумав, она под села к чучелу и предупредила:

— Раз добром не хочешь, придется силой. Сейчас сделаю тебе инъекцию.

И, взяв полный стакан, Верка вылила чучелу содержимое за воротник.

Тут же налила по второй.

Выпила тем же способом. В какой-то момент Верке показалось, что в холодно-голубых стразах зажегся красный уголек. Чтобы удовлетвориться, она полезла под стол и посмотрела на брючную пуговицу. Пропеллер крутился на полных оборотах.

— Ага! А я что говорила! — победоносно вскричала Верка и предложила выпить на брудершафт.

Дальнейшее она помнила плохо. Помнила, что чучело вроде бы сказала:

— А вот когда мы летели в Африку...

Верка обиделась, но, по легкости нрава, ненадолго.

— Так тебе больше нравятся чернявые? Будет сделано, — с этими словами Верка подошла к печке, зачерпнула оттуда горсть сажи и размазала ее по лицу. Потом нетвердой походкой вернулась к чучелу, спустила с одного плеча футболку и страстно продекламировала свое любимое:

Бери меня, срывай нейлон!

В моей груди страстей мильоны...

после чего рухнула на чучело и в такой, неизвестной даже Камасутре, позе тут же отрубилась.

...Ее разбудили истошные крики тетки Палашки. Крики стали еще истошнее, когда Верка стала перед ней во всей красе.

— Ах ты, воровка чертова, шоб тебе руки покорчило, а ну отдай назад мого чучела!

— Щас! А этого не хочешь? — и Верка метнула в лицо тетке Палашке две дули, как будто выстрелила по-македонски, с обеих рук. — Между прочим, он теперь никакое не чучело, а мой, как это... сексуальный партнер!

— Брешеш! — тетка Палашка аж задохнулась от такой новости. Она выскочила, даже не закрыв за собой калитку, и понеслась по селу с такой

скоростью, что встречные репьяхи не успевали прилепляться к ее кримпленовым штанам.

Вечером Верка перетащила чучело в сарай, где на куче соломы провела с ним бурную ночь. А что ночь была бурной, никто в селе не сомневался: Верка дурным голосом пела частушки, порой замолкала, а потом дико взвизгивала, что догадливые бабы понимали однозначно...

Когда где-то ближе к обеду Верка проснулась, чучела рядом не было. Пошарив в соломе, она нашла только холодно сверкнувший стеклянный страз...

Эпилог

Новость, которую тетка Палашка лично доставила в каждый двор, потрясла сельчан, а особенно их женскую часть. Разведенные, вдовы, незамужние и замужние, но не удовлетворенные — все проявили нездоровый интерес к соломенному Казанове. По селу поползли слухи о его выдающихся мужских способностях. Договорились до того, что ему приписали отцовство мальчонки, который родился у Светки Гайдуковой. И напрасно акушерка Зинаида Федоровна клялась чуть ли не самим Гиппократом, что поставила Светку на учет как беременную еще осенью, после того, как из района уехала партия геологов, ей никто не поверил. Тем более что у черной, как головешка, Светки Витек получился голубоглазый и белоголовый, словно одуванчик.

Доведенные до экстаза бабы шли на откровенное воровство. В селе, где никогда не запирали двери на замок, а просто ставили у порога веник в знак того, что дома никого нет, началась настоящая эпидемия (ее психиатры называют мудреным словом „клетомания“ — неодолимая тяга к чужой собственности). Стоило бабе выйти подоить корову или сбегать на огород, чтобы выбрать огурцы, как, воротясь обратно, она находила на месте своего сокровища в лучшем случае пучок соломы. Чучело пошло по рукам и в некоторые, самые загребущие, попадало не одиножды. Например, та же Верка, хоть ты ей гад сычи, каждую неделю выкрадывала чучело из-под самого носа соперницы и даже великодушно вернула голубой страз.

А еще бабы были озабочены тем, чтобы восстановить чучелу его мужскую силу, крепко подорванную, как они считали, предыдущей занобой. И тут тетка Палашка во весь голос заявила о себе как о потомственной знахарке и экстрасенсе. Она советовала бабам натирать своего суженого мазью из куриного помета и поить настоем лапчатки прямостоячей, собранной под утро, еще до петушиного крика. Бабы, хотя и догадывались,

что тетка Палашка таким образом пытается выйти из финансового кризиса, причиненного ей воронами, но бесстрашно ходили в лес и вскоре лапчатку можно было заносить в Красную книгу.

Но были и такие одержимые, которые шли на крайние меры. Алкоголь показал себя слабым стимулятором, и бабы начали добывать из конопли анашу. Бог весть, где они этому научились, но по странному совпадению из сельской библиотеки исчезли все справочники по химии. А так как химичили методом проб и ошибок, то по ходу дела бабам часто приходилось дегустировать свое варево.

Добром это не кончилось: по селу поползли глюки. По утрам, выгоняя коров на пастбище, бабы, конечно же, не могли удержать язык за зубами. Причем каждая, хвастаясь достоинствами чучела, называла его "Амой":

— Амой, когда служил в санитарной авиации...

— Амой рассказывал, когда он летали на Север...

— Та не бреши, Клавка, вин работал на юге, опылял хлопчатник, его еще Туркмен-баши наградил именными часами.

— Ха-ха, и де ж они, эти часы?

— А их у него сперли в общежитии, когда он в отряде космонавтов был.

Обнаглевшие вороны доглядывали последнюю коноплю и уже начали проявлять все признаки абстиненции: их мучили боли в суставах, бессонница и тахикардия. Веселая беспечность сменилась тревогой и раздражительностью. Однажды та, городская, разглядела спрятанное в вишневом садочке чучело. Оно выглядело сильно потрепанным, и ворона с удовольствием проинформировала его:

— Где ворона каркнет, там и покойнику быть.

Но куда сильнее ненавидели чучело отвергнутые мужики. Они объединились в единую и независимую партию с грозным названием „СМЕРЧ“, что означало „Смерть чучелу“. В условиях глубокой конспирации, у дальней скирды, члены партии провели свой внеочередной съезд, который постановил: война с чучелом до победного конца! Правда, некоторые разногласия возникли по поводу метода расправы, так как ни расстрел, ни яд, ни повешение по понятным причинам не годились. Но потом какой-то умник предложил средневековый инквизиторский способ — аутодафе. Правда, после того, как он объяснил, что это значит, его подняли на смех и объяснили, что „пускать красного петуха“ — исконно наш метод борьбы с конкурентами, в том числе и сексуальными. За „петуха“ проголосовали единогласно.

Но, как водится, в ряды партии затесался предатель, который безвоз-

мездно, из чисто гуманных соображений выдал жене военную тайну. Через полчаса „сарафанное радио“ сообщило о вероломных планах противника и объявило всеобщую мобилизацию. Недавние соперницы грудью встали на защиту своей собственности.

Но чучело все-таки сожгли. Оно вспыхнуло разом и сгорело в один момент, оставив после себя только легкое облачко дыма.

— И все равно я — летчик! — горячо прошептало облачко. Оно радостно устремилось вверх и выше, в ту бездонную глубину, которая всегда так манила его. На какое-то мгновение мелькнула мысль о людях, которых оно покидало, и которые ему подарили такую интересную жизнь. Оно с легкой грустью вспомнило даже добрую и беспутную Верку, хитрющую тетку Палашку, не пожалевшую для него пуговиц от своего кримпленового костюма, и еще постреленка Витьку с такими же, как у него, соломенными волосами...

...В селе многие не верили, что чучело погибло. Поговаривали, что оно отсиживается в подполье у Верки Гаврилючки, кое-кто намекал, что его взяли в область, на повышение, а Светка божилась, что чучелу пришла повестка из военкомата и его отправили служить в „горячую точку“. И только одна тетка Палашка знала истинную правду. Она часто поглядывала на небо и все ждала, когда же оттуда посыпятся кусочки пахучего мыла. Интересно, что мыло тетке Палашке было ни к чему — она им запаслась по гроб жизни. Да и в сельмаге мыла было предостаточно. И даже турецкого, каким, рассказывали, в городе собак купают. Хотя, как известно, в селе собак отродясь не мыли...

Москва

